

**ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА
НИКА ЁРШ**

**ТЕМНАЯ СТОРОНА.
УЧЕНИЦА**

**МОСКВА
2024**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г96

Иллюстрация на переплете *Л. Сова*

Гусейнова, Ольга Вадимовна.
Г96 Темная сторона. Ученица / Ольга Гусейнова,
Ника Ёрш. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. —
(Академия Магии).

ISBN 978-5-04-199656-7

Издавна нас пугали темной стороной мира.

Я надеялась, что меня она не коснется, но... одно-единственное событие, и вот я — кадет Академии Защитников, точно знающий, что пугали нас не зря.

Впереди учеба, новые друзья и недруги и... другая жизнь. А еще — два мага. Один стал моей опорой, а второй — наваждением.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199656-7

© Ёрш Н., текст, 2024
© Гусейнова О. В., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Сто пятьдесят лет назад произошел первый прорыв — на благословенные земли Аарона ступила лапа невиданного ранее монстра. Беспощадного, голодного, жуткого. Затем случились десятки и сотни других прорывов, но история моего мира изменилась именно с первого.

В нашем королевстве Солверс тогда расцветала весна. И в один из обычных погожих дней почти у самых ворот столицы, Дараты, открылся темный портал, из которого на белый свет повалили кроваво-жадные иномирные твари. Ценой огромных жертв обычных жителей и магов нашествие монстров удалось остановить, а прорыв — закрыть.

Второй прорыв случился в Солверсе за много верст от столицы. Наученные горьким опытом стражи королевства быстро прибыли на помощь маленькому поселению благодаря расположенным по всему Аарону стационарным порталам. И вновь наше королевство понесло потери как среди простых людей, так и среди магов.

Соседи ослабленного Солверса тут же решили: грех не «пощипать» нас, пока мы вынуждены зализывать раны. Но полномасштабных военных действий развернуть не успели — вскоре пространственные

прорехи в иные миры начали рваться в совершенно непредсказуемых местах.

Оказалось, прорывы и кошмарные твари, что лезли из них, — беда всего Аарона. Однако на осознание всеобщей проблемы, на переговоры и поиск способа борьбы с опасными неконтролируемыми явлениями ушло почти пятьдесят лет. За эти годы погибли сотни тысяч людей и почти полностью исчезли наделенные магией. Ведь только одаренные были способны закрывать прорехи в другие, столь недружелюбные к нам миры.

Тогда и ввели Неделю Ушедших: ежегодно последнюю неделю лета повсеместно, на площадях даже самых захудалых селений, звучала тоскливая песня флейты, возвещавшая о военных сборах. Каждый маг обязан был добровольно вступить в ряды защитников мира.

Шли годы, количество магов совсем оскудело, а оставшиеся в живых начали прятаться в самых глухих уголках Аарона, скрывать свой дар от всех, даже самых близких. Чтобы выжить, уцелеть!

Наш мир оказался на грани гибели.

И вот сто лет назад в Солверсе создали Академию Защитников, где отныне в обязательном порядке обучали магов всех королевств Аарона. Там же сформировали Корпус Защитников с беспрецедентно широкими правами и полномочиями. Кроме того, ввели самые строгие законы для соблюдения всеми жителями нашего мира. Во имя жизни.

Магия в человеке созревает долго и сложно, ее формированию может помешать даже интимная жизнь, поэтому одним из первых законов был введен обязательный целибат до восемнадцати лет для

обоих полов. Как мальчиков, так и девочек. За нарушение запрета и потерю невинности — смерть. Без сочувствия, без жалости, без понимания человеческих слабостей. Ведь маги Аарона — это жизнь целого мира. Если нарушитель этого не понимает и рискует жизнью всех людей, зачем такой нужен? Первые же публичные казни хорошенько вдолбили эту истину в самые горячие головы.

Из года в год на протяжении ста лет все достигшие восемнадцатилетия юноши и девушки проходят специальную проверку на наличие магии и «чистоту». А Неделя Ушедших — это период отбора магов в Академию Защитников. И только после проверки «чистые» немаги обретают свободу и могут строить отношения и создавать семьи.

Обо всем этом я размышляла, стоя у окна в нашей семейной аптечной лавке. Признаюсь, в погожий летний денек хотелось бы думать совсем о другом, но... Недавно мне исполнилось восемнадцать лет, и сегодня настал последний день Недели Ушедших. По улицам нашего городка лилась тоскливая песня флейты — дань уходящим магам. Несмотря на грустную мелодию, большинство горожан, особенно молодежь, неистово радовались. Потому что в Кинсборо — скромный, удаленный от суеты столицы городок, находящийся на стыке двух королевств, — наконец-то прибыла комиссия из Академии Защитников. Совсем скоро я и мои сверстники освободимся от запретов! К тому же в нашем городе уже несколько лет магов не находили.

Я не волновалась. Скорее предвкушала, ведь еще капельку потерпеть — и начнется романтическое время ухаживаний и танцев по вечерам.

Чистенькие улочки Кинсборо, мощенные тесаным булыжником, этим утром меня особенно радовали. Небо сегодня казалось голубее обычного, редкие облачка — пышнее; вообще, все эмоции стали ярче и насыщеннее. Внутри у меня все горело от нетерпения и радости.

Я прислушалась к себе, осмотрелась, переступила с ноги на ногу.

Новенькие туфельки на невысоком каблучке еще чуть-чуть поскрипывали и кокетливо выглядывали из-под подола нарядного голубого — в цвет моих глаз — нового платья с короткими рукавами и белым кружевным воротником. Легкая батистовая ткань мягко облегла небольшую грудь, а от тонкой талии, повязанной широким поясом с бантом на спине, густыми складками спускалась почти до пола.

Светлые, сильно выющиеся волосы я убрала в высокую прическу, отчего выглядела немного старше, чем обычно.

— Готова? — Мама улыбнулась мне и поманила за собой на выход из лавки.

Я буквально слетела по ступенькам в крепкие папины объятия, так торопилась. А родители довольно улыбались, понимая и разделяя мою радость. Сами через то же самое в юности прошли! Такой сплоченной троицей мы и отправились вдоль цветущей зеленой улицы.

Порой мне хотелось выбежать вперед и покружиться вокруг себя, взмахнув голубой верхней юбкой, пусть даже мелькнет отороченный кружевом подол белой нижней. Но я сдерживала желание. *«Ничего, — думала, жмурясь от яркого солнышка, — уже сегодня вечером на площади будут*

танцы в честь завершения Недели Ушедших. Ох и натаицую-усь!»

Мы с мамой, взяв папу под локти, улыбаясь соседям, чинно шли на площадь. В свободной руке я несла новенький саквояж с разной мелочовкой — скорее украшение, выгодно подчеркивавшее праздничный наряд, чем дорожную принадлежность. По закону, все проходящие проверку должны иметь при себе вещи первой необходимости. Их я и взяла. Ничего лишнего. Зачем напрасно утруждать себя лишней тяжестью?

Вскоре мы вышли на площадь, к магистрату, солидному зданию из светлого песчаника. Вокруг магистрата толпилась молодежь, которая в этом году должна проходить или (судя по веселым лицам и голосам) уже благополучно прошла проверку. Отдельными группками по интересам весело гомонили родители восемнадцатилетних юношей и девушек. Ведь совсем скоро, может статься, кто-то из них и породнится.

Приблизившись к зданию, я смущенно улыбнулась Питеру и Димитрию. До восемнадцати нам запрещено быть чем-то большим друг для друга, ухаживать, целоваться... Но разве можно спрятать чувства или закрыть сердце? Поэтому, пусть осторожно, издалека, но взглядами мы обменивались, хотя бы так показывая свое расположение. После проверки запрет на отношения снимется, и парни откроют охоту на понравившихся девушек.

Питер и Димитрий уже давно проявляли ко мне внимание: дарили улыбки, соперничая, пытались выделиться в моих глазах. Вот и сейчас, стоило мне с мамой и папой остановиться у внушительного

каменного крыльца магистрата, оба парня выпрямились и, словно пара охотничьих псов, устремили горящие взоры на меня.

— Смотри-ка, какие горячие женихи, глаз оторвать от тебя не могут, — хихикнула довольная мама, легонько ткнув меня локтем в бок.

— Главное, чтоб не передрались, Лариша, а то мы с тобой слишком славную и красивую дочь вырастили, — хохотнул отец, с любовью прижав меня к своему боку. А потом, выпустив из своих рук, заботливо подвел к крыльцу. — Ну, иди, Вероничка, мы тебя тут подождем, нас внутрь все равно не пустят, сама знаешь.

— С богом, родная, — шепнула мама мне в спину, а сама потащила папу к знакомым. — Пойдем, дорогой, побеседуем...

Кинсборо — милый небольшой город, где соседи друга за друга всегда горой и помогут в случае любой нужды или опасности. И господина Стретчета, нашего бургомистра, знают даже малыши. В магистрате я была дважды: ходила с отцом, оформлявшим бумаги по аптеке — выправлявшим лицензию на новые лекарственные зелья. Он готовил из меня преемницу своего дела. Я немного робела в первый раз, но с папой было не так, как сегодня. Стоило шагнуть в строгий, сумрачный после яркого солнца холл здания, сердце забилося пойманной птахой.

Еще дорогу мне неожиданно заступил высокий крепкий незнакомец в темном плаще поверх черной формы и холодно, бесстрастно указал рукой на правый коридор:

— Сюда, пожалуйста.

Натянуто вежливо улыбнувшись и кивнув этому довольно молодому стражу, сжав ручку саквояжа, я пошла в указанном направлении. И вскоре остановилась перед открытой дверью в помещении, напоминавшем приемную, где на стульях вдоль стен молча ожидали своей очереди на проверку несколько юношей и девушек. Заняв свободное место, я с осторожным любопытством, украдкой рассматривала таких же кандидатов, как и сама. Впрочем, тоже стала объектом чужого внимания.

Напротив меня в розовом нарядном платье сидела всем известная девица Катерина Стретчет — средняя дочь бургомистра. Любимая и избалованная, по мнению моих родителей. Наш круг знакомых отличался. В основном мы сталкивались на городских праздниках, в лавках, просто на улицах и, конечно же, в нашей аптеке. Рина, как ее коротко звали близкие, мне нравилась легким нравом. Поэтому я без натуги обменялась с ней искренними улыбками.

Катерина — кареглазая стройная шатенка — выглядела ярко, броско. Розовый ей был очень к лицу, несмотря на яркий румянец на щеках с ямочками. Ее немного утомленный вид подсказывал, что сидит она здесь уже давно, опять-таки в духоте. *«Странно, почему ее первой не проверили? — подумала я. — Ведь она — дочь самого бургомистра?»*

Рядом с ней тоже томился здоровенный симпатичный парень — брюнет с пудовыми кулаками и весьма суровым и отчужденным видом. Чем-то на кузнеца похож. Он мрачно взирал на всех черными глазищами из-под густых бровей. Судя по простецкой, но добротной и аккуратной одежде, не бедняк, а вот среди местных я его никогда не ви-

дела. *«Наверное, из какого-нибудь неведомого мне захолустья привезли на проверку»*, — пронеслось в голове.

В этот момент открылась дверь и еще один незнакомец в плаще, окинув приемную внимательным взглядом, пригласил брюнета в кабинет. При этом из помещения никто не вышел...

Мое сердце пропустило удар.

— Проверенных через запасной выход выпускают, чтобы не толкались здесь всем скопом, — шепотом ответила на мой немой вопрос Катерина.

Я благодарно улыбнулась в ответ, но настроение все равно стремительно падало. Катерина тоже передрнула плечами и с затаенным страхом посмотрела на заветную дверь, за которой скрылся «кузнец».

«Нам обеим беспокойно», — поняла я.

Мой взгляд переместился от Рины к окну, за которым грелся на солнце город, гомонили горожане, смеялась молодежь, а еще наряжали площадь к началу празднеств. Сегодня последний день Недели Ушедших. Его всегда отмечают с размахом, официальный конец года, как-никак. Я улыбнулась, вспоминая, что где-то там мама и папа в нетерпении ждут моего выхода. Да и Димитрий с Питером тоже там...

— Следующий! — вырвал меня из грез сухой голос.

Обернувшись, я встретила взглядом с «черным плащом», который в упор смотрел на меня, стоя в приоткрытых дверях в злополучный кабинет. Я растерянно оглянулась на Катерину, но она словно прилипла к стулу, даже не пошевелилась, да и смотрели и ждали именно меня. Пришлось вдох-

нуть для храбрости и встать. Пока шла к незнакомцу, ощутила, как потяжелели ноги. Гнетущая атмосфера в приемной не прошла даром.

За дверью оказалось светлое просторное помещение; в противоположном углу темнел выход, похоже, тот самый, через который покидают «пыточную» все проверенные. Рядом с выходом раскинулся длинный стол, за которым сидели пятеро взрослых мужчин. С краю — господин Стретчет, возле него — незнакомые люди. Двое в красивых камзолах. Явно из аристократов. Такие все высокородные носят. Перед ними на столе лежали писчие принадлежности. Один из мужчин как раз что-то писал мелким убористым почерком, даже не подняв головы, чтобы взглянуть на меня.

С другого края стола двое... других. Совсем. Они настолько отличались от остальных, что даже гадать не пришлось, кто тут представитель короны для соблюдения порядка и законности при проведении отбора, а кто — из Академии Защитников. Тоже в черных плащах, правда, почему-то еще и в капюшонах. Это показалось мне странным — здесь же жарко, даже душно. Так зачем они закутались?

Заинтересовавшись, я присмотрелась к ним. У первого, как раз поднявшего лицо к соседу в камзоле, капюшон слегка сполз назад. И я с изумлением вытаращилась на золотоволосого блондина с короткой стрижкой и такими нереально яркими зелеными глазами, словно в них горело пламя. Красивый, но не смазливый тип, а мужественный. Правда, смутил один момент: когда он моргнул, мне показалось, будто у него веки золотистой краской подведены, как у городских девиц. Кинсборо у большого тракта

стоит, к нам частенько столичные гости и из других королевств заезжали, видали мы таких, расфуфыренных. Но чтоб мужики глаза красили?! Такого я еще не видала!

Словно в противовес «золотому», его сосед на крайнем месте был гораздо шире и крупнее. Еще меня смутила его спина — казалось, под плащом он прячет горб. И капюшон почти не скрывал черные, как вороново крыло, волосы, смуглое лицо с резковатыми чертами, непроглядно черные глаза и самую настоящую татуировку на скуле!

Я до неприличия увлеклась разглядыванием жгучего брюнета, отчего мы столкнулись с ним взглядами, и внутри у меня все противно сжалось от предчувствия опасности. Какое-то глубинное, громко взывшее ощущение. Клянусь, показалось, на меня смотрит хищник, а не человек. А стоило блондину тоже посмотреть на меня полыхающим зеленым взором, я и вовсе непроизвольно шагнула назад, не сумев сдержать порыва.

— Назовите себя, — вернул меня в реальность один из камзольников. Голос у него оказался скрипучим, уставшим.

— Вероника Эйташ, — кашлянув, немного хриплым от волнения голосом ответила я.

— Возраст, кто родители? — продолжился опрос.

— В прошлом месяце исполнилось восемнадцать. Дочь Лариши и Ромуса Эйташа. Мама — известная кружевница, отец держит аптеку...

— Очень благополучная, добропорядочная семья, известная на всю округу, — неожиданно заискивающе доложил бургомистр, впрочем, порадовал мнением о моей семье. И даже знал подробности. —

Вероника — старшая из троих детей. Кроме нее есть еще двое — мальчики четырнадцати и восьми лет.

— Значит, отец известный на всю округу аптекарь? — заинтересовался камзольник. — Зелья сам варит? В одиночку?

— Да, аптекарь, — растерянно ответила на первый вопрос и добавила тихо: — Я ему во всем помогаю.

— Интересно-о... — протянул королевский представитель, оглянувшись на своих спутников в плащах.

Я тоже испуганно посмотрела на всех по очереди.

В это время сосед королевского представителя поднялся и жестом указал мне в сторону. Там на громоздкой медной подставке неправильной шарообразной формы блестел кристалл чистоты, как его называли в народе. Он определял невинность. И главное — никогда не ошибался.

Сглотнув, я испытала безотчетный страх. Ведь точно знала, что чиста перед законом, дураков нарваться на смертный приговор давно не находилось.

Усилием воли заставила себя подойти к столу и положить руку на шероховатый кристалл. И облегченно выдохнула, когда он засветился ровным золотистым цветом. Словно солнечным светом наполнился. Мне говорили, так и должно быть, если все как положено.

Сделав пометку в тетради, проверяющий с одобрительной благосклонной улыбкой отпустил меня, чтобы остальные продолжили «экзаменовать».

Нервно выдохнув, я вернулась в центр комнаты и встала лицом к высокой магической комиссии. Дальше черноглазый «горбун» встал из-за стола, по-